
РОЛЬ СОВЕТОВ В СУДЕБНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
(ОКТАБРЬ 1917—ИЮНЬ 1918 гг.)

Создание советского суда — одна из важных составных частей строительства советского государственного аппарата. Принципиальные особенности этого процесса были глубоко и всесторонне раскрыты В. И. Лениным в его послеоктябрьских произведениях — в докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров 24 (11) января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов, работе «Очередные задачи Советской власти» (в том числе и в ее первоначальном наброске) и в некоторых других. В названных произведениях указано прежде всего на коренное отличие создающегося советского суда от суда буржуазного. По ленинскому определению, старый суд «изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка».¹ «Поэтому, — указывал В. И. Ленин, — безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их подголоски меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно».² Новый суд, создающийся вместо старой судебной системы, характеризовался Владимиром Ильичем тремя основными чертами. Во-первых, это «орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению». Во-вторых, «орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства». В-третьих, «орудие воспитания к дисциплине».³ Задачи советского суда: борьба «против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 270.

² Там же, т. 36, стр. 162—163.

³ Там же, стр. 197.

чить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся. Мы были бы смешными утопистами, если бы воображали себе, что подобная задача осуществима на другой день после падения власти буржуазии, т. е. в первой стадии перехода от капитализма к социализму, или — без принуждения».⁴

Непременным условием успешного строительства советского суда В. И. Ленин считал участие в этом деле широких масс трудящихся, развязывание их революционной инициативы и самодеятельности. «Пусть кричат, — заявлял он, — что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества».⁵ Высоко оценил В. И. Ленин начин трудящихся, создававших революционные суды до принятия соответствующих декретов Советской власти: «... революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизнеспособность революции, начав устранять свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата».⁶

Революционное творчество масс, учреждавших новый революционный суд, осуществлялось ими главным образом через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы — эта готовая форма пролетарской государственности — были теснейшим образом связаны с массами, аккумулировали их революционную энергию и направляли ее на претворение в жизнь выдвинутых партией большевиков задач по социалистическому строительству, в том числе и судебному. Новый суд создавался именно как советский суд. И не случайно В. И. Ленин, характеризуя значение Октябрьской революции для утверждения новой судебной системы, отметил: «На место старого суда она стала создавать новый, народный суд, вернее, советский суд (рядка наша, — *Ю. Т.*), построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, — и только этих классов, — в управлении государством».⁷

Между тем в историко-правовой и исторической литературе, посвященной судебному строительству в первый год диктатуры пролетариата,⁸ вопрос о роли Советов как организаторов нового

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же, т. 35, стр. 270.

⁶ Там же, т. 36, стр. 197.

⁷ Там же, стр. 163.

⁸ Эта тема довольно широко освещена в трудах советских правоведов и историков. В библиографическом справочнике «Великая Октябрьская социалистическая революция (март 1917—март 1918 гг.). Указатель советской литературы. 1917—1964» (М., 1967) учтено 48 работ, в той или

революционного суда не был предметом специального рассмотрения. В настоящей статье предпринята попытка восполнить, хотя бы отчасти, этот пробел.

* * *

Советы начали учреждать революционные суды тотчас же после свержения власти Временного правительства. Среди них первыми были районные Советы рабочих и солдатских депутатов Петрограда. На этот путь они вступили под влиянием обстановки, сложившейся непосредственно после победы Октябрьского вооруженного восстания. В конце октября и в ноябре 1917 г. потерпевшие поражение контрреволюционные силы шли на самые жестокие и грязные приемы и методы с тем, чтобы реставрировать власть буржуазии. Они пытались дезорганизовать порядок в столице путем контрреволюционного саботажа чиновников государственного аппарата, злостной антисоветской кампании, поднятой буржуазной прессой, умышленной организации голода и активизации уголовно-анархических элементов. Н. И. Подвойский, характеризуя обстановку в столице в это время, писал в своих воспоминаниях: «Город оказался беззащитной добычей погромного элемента, хулиганья, погромной агитации и ножевых расправ. Это была мутная вода, в которой контрреволюции легко было удить рыбку и пачкать грязью лицо революции».⁹ Слова Подвойского перекликаются со свидетельством комиссара юстиции Пороховского района о том, что в ноябре 1917 г. в районе были широко развиты хищение спирта и пьянство, в связи с чем «шло воровство, всевозможные азартные игры, на почве которых происходили бесчинства и в сильной степени развивалось хулиганство».¹⁰

Лучшие, большевистски настроенные представители петроградских рабочих и солдат, сосредоточенные в районных Советах, сознавали, что такого рода преступность представляет большую опасность для революции, и не могли, понятно, остаться равнодушными к ней. Наряду с другими срочными мерами, направленными на установление и поддержание строгого революционного порядка, районные Советы стали учреждать революционные суды. Уже 28 октября 1917 г. Выборгский районный Совет извещал районную думу: «Для борьбы с грабежами, мародерст-

иной мере касающихся судебного строительства в рассматриваемый период (тетрадь 9, стр. 82—85). За последующие годы литература по истории советского суда на начальном этапе его существования пополнилась еще несколькими трудами, и в их числе обстоятельной монографией Е. Н. Городецкого «Рождение Советского государства» (М., 1965), в которой выделен специальный раздел «Рождение революционного суда» (стр. 318—352).

⁹ Красная летопись, 1923, № 6, стр. 96.

¹⁰ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 123.

вом, хулиганством, пьянством и пр. Выборгский районный Совет постановил организовать временные народные суды».¹¹ Районный Совет определил и состав суда. В него должны были делегироваться представители самого Совета, фабзавкомов, районной управы, совета домовых комитетов, районного бюро профсоюзов.¹² На подобных же основаниях были созданы революционные суды Советами Петергофского, Петроградского, Спасского и Пороховского районов Петрограда.¹³

Революционные суды организовывались Советами рабочих и солдатских депутатов и в других пролетарских центрах — в Москве, Самаре, Ревеле и др. Даже Советы глухих провинциальных городов (Ачинск, Енисейск и др.) не остались в стороне от общего потока судебного-организационного творчества.¹⁴

22 ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров был издан декрет № 1 о суде. Этим декретом упразднялись вся старая судебная система, прокуратура и адвокатура, за исключением института мировых судей, относительно которого было специально оговорено, что он не упраздняется, а лишь приостанавливает свою деятельность. Вместо упраздняемых судебных установлений декретом вводился местный суд в составе постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, избираемых впредь до введения прямых демократических выборов местными Советами. К компетенции местного суда было отнесено разрешение гражданских дел с ценой иска до 3000 рублей и уголовных дел, если к подсудимому применялось наказание не свыше двух лет лишения свободы. В качестве кассационной инстанции для местных судов декретом вводились уездные и столичные съезды местных судей. Для разрешения дел по контрреволюционным преступлениям, а также дел о спекуляции, мародерстве и хищничестве декрет предусматривал учреждение революционных трибуналов в составе председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами. Рассмотрение дел, подсудных революционным трибуналам, возлагалось на следственные комиссии при местных Советах. Декретом не предусматривалось создание специальных учреждений, осуществлявших защиту и обвинение на суде. В качестве защитников и обвинителей как на суде, так и в стадии предварительного следствия допускались все неопороченные граждане, пользующиеся гражданскими правами. В статье 5 декрета указывалось, что суды «решают дела именем Российской Республики и

¹¹ ЛГАОРСС, ф. 148, оп. 13, д. 8, л. 4.

¹² Правда, 1917, 1 ноября.

¹³ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 115—123.

¹⁴ См. подробнее: Ю. С. Токарев. К истории народного правосознания в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917—февраль 1918). — Исторические записки, 1955, № 52, стр. 70—79.

руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Специальным примечанием к этой статье оговаривалось, что отмененными признаются все законы, которые противоречат декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-Крестьянского правительства, а также программам-минимум РСДРП и партии эсеров.¹⁵

При сопоставлении перечисленных положений декрета с данными об организации трудящимися самостоятельных революционных судов видно, что декрет явился как бы обобщением и законодательным закреплением правотворческого опыта Советов, накопленного ими за период октября—ноября 1917 г. Выборность судей Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, разрешение судебных дел на основе революционной совести и революционного правосознания, отмена старых материально-правовых и процессуальных законов — все эти положения декрета еще до его издания были применены Советами в ходе строительства революционного суда. Но это, естественно, не означало, что декрет был чем-то вроде среднего арифметического непосредственной судебно-организационной практики на местах. Декрет № 1 о суде творчески выбрал из разнохарактерного и нестрого местного опыта самое ценное и отбросил ненужное. Он свел этот опыт в единую систему и тем самым придал судебному строительству централизованный характер. Декрет провозгласил в качестве основополагающих принципов судебного строительства то, что в непосредственной практике организации судов было намечено лишь в самых общих чертах.

Тяжесть реализации декрета № 1 о суде легла на плечи местных Советов. «Центральная власть в этом процессе непосредственного участия принимать не могла и ограничилась лишь общими директивами»,¹⁶ — говорилось по данному поводу в отчете Народного комиссариата юстиции за 1918 г. Советами как непосредственно, так и через созданные ими отделы (комиссариаты) юстиции была проделана большая и напряженная работа по ликвидации старых судебных установлений, приему дел у них, созданию местных судов и революционных трибуналов, обеспечению их кадрами и вообще всем необходимым для налаживания судебной деятельности.

На долю местных Советов и их отделов юстиции выпала также работа по реорганизации судов, созданных по почину масс до издания декрета № 1 о суде. Те из них, которые учреждались как временные, т. е. на период времени до издания центральной

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957, стр. 124—126.

¹⁶ Пролетарская революция и право, 1918, № 1, стр. 33.

властью закона о новом суде, в большинстве своем ликвидировались, а на их месте создавались суды, предусмотренные декретом. Некоторые же революционные суды и следственные комиссии не были ликвидированы, а лишь подверглись соответствующей реорганизации.

В конце декабря 1917 г. Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда принял решение о ликвидации временного революционного суда. Этот суд был заменен местными судами, избранными районным Советом. Организация местных судов была возложена на специальных комиссаров Совета, которые приняли дела мировых судей, отказавшихся признать Советскую власть. Дела мировых судей и временного революционного суда были распределены по камерам местных судов.¹⁷

Временный суд был ликвидирован и в Пороховском районе Петрограда. «Оставить такое судопроизводство, как во временном революционном суде и военно-революционном суде, было невозможно, так как решения названных судов были окончательны, и только иногда, лишь по требованию Советов рабочих и солдатских депутатов, как центрального, так и районного, названные суды вновь рассматривали свое решение... В январе месяце был учрежден пародный суд, который и принял все решенные и нерешенные дела военно-революционного суда»,¹⁸ — сообщалось в отчете комиссара юстиции Пороховского района.

В Кронштадте после издания декрета № 1 о суде существовавший до этого местный суд общественной совести ликвидирован не был, но подвергся соответствующей реорганизации. Д. И. Курский писал в этой связи: «По получении первого Декрета о суде суд общественной совести принял его к руководству, но без ломки самой организации суда. В конце декабря в Кронштадте был организован и революционный трибунал, в состав которого вошли представители от местного Совдепа и члены суда общественной совести, избранные политическими организациями».¹⁹ В Самаре временный революционный суд в начале января 1918 г. был реорганизован в революционный трибунал.²⁰

Аналогичным порядком происходила реорганизация и других судов, образованных по инициативе масс до издания декрета № 1 о суде.

Разумеется, издание декрета № 1 о суде не закрывало дорогу для дальнейшего развития творчества Советов в области судостроительства. Декрет закрепил лишь основные, отправные моменты в деле строительства нового суда. Он не разрешал в деталях все

¹⁷ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 119—170.

¹⁸ ЛГАОРСС, ф. 511, оп. 1, д. 1, л. 84.

¹⁹ Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. М., 1948, стр. 16.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 322, л. 407.

вопросы, которые могли возникнуть и возникали в ходе судебного строительства. Поэтому для собственного правотворчества Советов оставалось еще обширное поле деятельности. В. И. Ленин указывал: «Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством. Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности».²¹ Это ленинское положение вполне применимо и к проведению в жизнь декрета № 1 о суде. Советы на местах своим непосредственным творчеством внесли много дополнений к декрету, а также новых положений, которые были учтены в последующем судебном-правовом законодательстве. Вот некоторые примеры.

Новгородский губернский исполнительный комитет, получив декрет, поручил судебной комиссии выработать проект положения о революционных судах для Новгородской губернии применительно к требованиям декрета. Проект обсуждался на заседании губисполкома 16 декабря 1917 г., где и был принят.²² В статье 1 положения говорилось: «Впредь до издания исчерпывающих законоположений об организации нового суда, основанного на демократических началах, учреждаются взамен упраздняемых Новгородского и Череповецкого окружных судов временные революционные суды в гг. Новгороде и Череповце». Далее положение детально определяло организационную структуру, материально-правовые и процессуальные основы деятельности революционных судов. В частности, суды должны были разрешать дела, подсудные ранее окружным судам, и, кроме того, дела, «не считавшиеся ранее преступными, как, например, дела провокационного характера и т. п., а также и дела о расхищении и присвоении продовольственных припасов независимо от стоимости их».

Суды делились на уголовные и гражданские отделения. Каждое отделение состояло из председателя, двух его товарищей и девяти заседателей, избранных губернским исполнительным комитетом. Защита на суде и в стадии предварительного следствия осуществлялась поверенными сторон. Обвинение поддерживалось

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 56—57.

²² Известия Новгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1917, 30 декабря. В юридической литературе распространено ошибочное утверждение о том, что положение о революционных судах Новгородской губернии было принято до получения в Новгороде декрета № 1 о суде. На это прямо указывали П. П. Михайленко (Революционное творчество народных масс в создании советского суда и советского уголовного права в СССР. Львов, 1955, стр. 19), В. В. Малькович (Творческая роль масс в создании первых законов Советской власти. — Советское государство и право, 1957, № 8, стр. 20) и некоторые другие авторы. Между тем из протоколов заседаний Новгородского губисполкома, опубликованных в «Известиях Новгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», видно, что положение о революционных судах в Новгороде и Череповце было принято уже после того, как губисполком получил текст декрета № 1 о суде.

членами контрольно-следственной комиссии, созданной взамен упраздненной прокуратуры. Помимо обвинительных функций, контрольно-следственная комиссия осуществляла надзор за производством предварительного следствия следователями, расследование отдельных категорий преступлений, надзор «за соблюдением общественных интересов» и исполнением приговоров, предание суду и др.

Относительно разрешения судом вопросов виновности и наказания, а также судьбы гражданского иска в положении предусматривалось: «Признанного виновным суд приговаривает к наказанию, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположениями, в качестве же необязательного для себя руководства суд может пользоваться уложением о наказаниях и уголовным уложением»; «При решении дел (гражданских, — Ю. Т.) суд руководствуется Уставом гражданского судопроизводства»; «Вопрос о виновности и о мере наказания решается судом по большинству голосов, при равенстве же голосов предпочтение отдается мнению, наиболее благоприятному для обвиняемого». Приговоры временных революционных судов объявлялись окончательными и ни кассационному, ни апелляцииному обжалованию не подлежали.

Сопоставление приведенных данных с декретом № 1 о суде позволяет заключить, что положение о временных революционных судах Новгородской губернии во многих отношениях дополнило декрет. В частности, в нем содержались правовые нормы, определявшие основания и порядок разбирательства тех уголовных и гражданских дел, правила разрешения которых отсутствовали в декрете (правда, в декрете оговаривалось, что порядок рассмотрения дел, подсудных ранее окружным судам, будет определен особым декретом). Следует также отметить, что конструкция Новгородского временного революционного суда во многом совпала с конструкцией народного окружного суда, введенного позднее декретом № 2 о суде.

Примером творческого применения декрета может служить также издание Комиссариатом по судебным делам Московского Совета рабочих и солдатских депутатов инструкции о Московском революционном трибунале.²³ В инструкции приводились конкретные категории дел, подсудных трибуналу. К ним были отнесены: организация восстаний против Советской власти, активное противодействие Советскому правительству или неподчинение ему, клевета в печати или в публичных собраниях с целью вызвать панику либо недоверие к правительству; совершение грабежей; скупка, сокрытие, порча, уничтожение предметов массового потребления и т. д. Короче говоря, в инструкции был дан перечень преступлений, подсудных трибуналу, чем существенно

²³ Известия Московского Совета рабочих депутатов, 1917, 8 декабря.

дополнялся декрет № 1 о суде. Кроме того, инструкция определила и круг наказаний, к которым относились: штраф, лишение свободы, удаление из Москвы и ее пригородов, объявление врагом народа и лишение политических прав, секвестр или конфискация имущества. Это также явилось ценным дополнением к декрету.

Примеров творческого применения декрета № 1 о суде можно привести еще множество. Повсюду, куда бы он ни приходил, его дополняли, развивали, уточняли сообразно местным условиям. В этом нашла проявление творческая активность Советов, разбуженная социалистической революцией.

Строительству нового народного суда упорное сопротивление оказали буржуазная прокуратура, магистратура и адвокатура. Будучи до Октябрьской революции высокопоставленными, привилегированными чиновниками, тщательно отбравшимися царским и Временным правительствами из среды дворянской и буржуазной интеллигенции, прокуроры и судьи в своем большинстве крайне враждебно относились к Октябрьской революции. Как сообщала правозсеровская газета «Воля народа», Петроградский союз судей принял постановление о неподчинении судей «никаким распоряжениям и указаниям» органов Советской власти и об оказании «всякого содействия» контрреволюционному комитету «спасения родины и революции».²⁴ Подобного рода сообщение приводилось и в газете «Самарские ведомости» от 4 ноября 1917 г.: Самарский съезд мировых судей протестовал против взятия власти «безответственной группой большевиков» и ратовал за организацию местного комитета «общественной безопасности», противопоставляемого большевистскому Самарскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Весть о победе Октябрьской революции была подобным же образом встречена большинством буржуазных судей, следователей, адвокатов, прокуроров и в других городах.

Враждебно встретив Октябрьскую революцию, чиновники ведомства юстиции активно включились в борьбу против Советской власти. Они приняли деятельное участие в работе контрреволюционных комитетов «спасения родины и революции», в организации антисоветских мятежей и т. п. Многие буржуазные юристы вступили на путь контрреволюционного саботажа. Следует при этом отметить, что их саботаж отличался по форме от саботажа чиновников других ведомств. Если последние оставляли, как правило, работу, то в ведомстве юстиции работа «продолжалась». Зная, что новая власть подвергнет слому буржуазную судебную машину, чиновники учреждений упраздненного Министерства юстиции старались сохранить ее в неприкосновенности. Они надеялись, что Советская власть продержится недолго, а пока же

²⁴ Воля народа, 1917, 2 ноября.

делали все возможное для ее свержения. Понятно, что деятельность старых судебных учреждений направлялась не в интересах новой народной власти. Следователи продолжали «расследовать» дела о «посягательствах» крестьян на помещичью собственность, об участниках июльских выступлений и т. п. Суды выносили приговоры и решения именем несуществующего Временного правительства.

Издав декрет № 1 о суде, провозгласившего слом буржуазного судебного аппарата, привело к еще большей активизации антисоветской деятельности чиновников ведомства юстиции, которые, за немногим исключением, упорно саботировали декрет, всячески старались сорвать его осуществление.

Непосредственно после издания декрета саботаж судебных чиновников выражался чаще всего в прямом неподчинении требованиям декрета. Судьи, прокуроры, следователи и адвокаты явочным порядком продолжали занятия в упраздненных декретом учреждениях, и прекратить их деятельность было возможно лишь насильственным путем, а иногда и путем применения вооруженной силы. Когда же представители Советской власти удаляли саботажников, то, перед тем как уйти, последние умышленно путали и уничтожали делопроизводство и расхищали государственные деньги.

В Петрограде, например, на состоявшемся 26 ноября 1917 г. общем собрании присяжных поверенных города было принято постановление: «1) Признать, что напечатанный в газете „Правда“ декрет, как исходящий от организации, не признаваемой за власть, не имеет силы закона; 2) признать, что члены присяжной адвокатуры Петроградского судебного округа должны продолжать свою профессиональную деятельность до того момента, когда применением насилия судебные учреждения будут вынуждены приостановить свои действия».²⁵ Петроградские адвокаты были дружно поддержаны судьями, прокурорами, следователями, которые объединились в своей борьбе против проведения в жизнь декрета № 1 о суде. Ликвидировать ввиду этого старые судебно-следственные учреждения Петрограда было возможно лишь насильственным путем, что и было сделано следственной комиссией Петроградского военно-революционного комитета в дни с 29 ноября по 5 декабря 1917 г.²⁶

В борьбу против осуществления декрета включились и петроградские мировые судьи. Почти все они отказались работать в местных судах и постарались сделать все возможное, чтобы осложнить деятельность этих судов в будущем. В докладе комиссара юстиции Петроградского районного Совета отмечалось, что

²⁵ Новая речь (бывш. «Речь»), 1917, 28 ноября.

²⁶ Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 6 декабря.

мировых судей пришлось «чуть ли не силой выгонять из камер. Все дела они страшно запутали, уничтожить же мало удалось. Ни одного из старых служащих в камерах не осталось».²⁷

Аналогичным образом вели себя мировые судьи 2-го Городского района Петрограда. «Мировые судьи, хотя и знали из декрета о суде о ликвидации мировых судебных установлений, продолжали работать до последнего дня и не приготовили дел для сдачи. Камеры приходилось опечатывать чуть не насильственным образом. Некоторые из мировых судей отказались от подписи акта о наложении печатей на камеры, заявляя о незаконности вторжения представителей пролетарской власти в их царство... Принятые камеры оказались в полном хаосе, казалось, — намеренном. Из камер были предусмотрительно унесены все штампы, канцелярские принадлежности. Денежные суммы были сданы в казначейство в расчете, что их будут выдавать оттуда лишь по ассигновкам с подписью мирового судьи»,²⁸ — сообщалось в отчете народного суда 2-го Городского района.

Не менее активно участвовали в контрреволюционном саботаже юристы Самары. Как сообщал комиссар юстиции Самарской губернии, при закрытии Самарского окружного суда выяснилось, что 2816 судебных дел были брошены в хаотическом состоянии в отделах; чиновники прокуратуры и судебные следователи со всеми своими канцелярскими покинули занятия.²⁹

Во Владимире общее собрание отделений Окружного суда, состоявшееся 12 декабря 1917 г., обсудив постановление Владимирского Совета рабочих и солдатских депутатов от 12 декабря 1917 г. об упразднении окружного суда в силу декрета СНК, постановило: «Упраздненными себя не считать; уступая силе, деятельность суда, нотариата, нотариального архива и других подведомственных суду лиц и учреждений приостановить и никакого участия в сдаче делопроизводства и имущества не принимать».³⁰ И так было почти в каждом городе.

После того как старые судебно-следственные учреждения были в своей основной массе ликвидированы, саботаж буржуазных юристов принял новую форму. В связи с тем, что Советская власть не располагала подготовленными кадрами судебных работников, чинам упраздненных декретом судебно-следственных учреждений было предложено работать в новых судах и следственных комиссиях. Однако большинство из них от работы в новых судах отказалось, рассчитывая, что Советская власть не сможет своими силами организовать судебную деятельность.

²⁷ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 122.

²⁸ Там же, стр. 124.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 322, л. 359.

³⁰ Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917—1918 гг.). Сборник документов. Владимир, 1957, стр. 126—127.

Относительно саботажа юристов Нижнего Новгорода в отчете губернского комиссара юстиции говорилось: «19 декабря судебные деятели бывшего Нижегородского окружного суда (включая сюда и адвокатуру) — все без изъятия заявили только что назначенному исполкомом Совета комиссару юстиции о своем нежелании работать в большевистских судах. К ним присоединились мировые судьи как города Нижнего Новгорода, так и уездов, в большинстве своем судебные приставы и канцелярские служащие бывшего Окружного суда. Последние, однако, скоро вернулись к своей работе и несут ее, за исключением некоторых, и по сию пору. Судебные же деятели в составе магистратуры, прокуратуры и адвокатуры образовали „союз судебных деятелей“, члены коего прежде всего обязывались не работать в народных судах, организуемых на началах декретов Совета Народных Комиссаров. И до сегодняшнего дня ни один из членов союза, обнимающего всех бывших судебных деятелей губернии, не нарушил данного союзу обязательства».³¹

Так же было и в Ярославле, где судьи, отказавшись работать в новых судах, организовали «бюро юристов-практиков», впрочем, вскоре закрытое отделом юстиции Ярославского Совета.³²

По свидетельству Д. И. Курского, в Москве «не нашлось ни одного судьи, который стал бы продолжать работу после издания первого декрета о суде и сделанного им предложения».³³

Саботаж чиповников судебного ведомства получил поддержку со стороны партий меньшевиков и эсеров. После издания декрета № 1 о суде они начали вести систематическую борьбу против проведения декрета в жизнь. Их пресса злобно обрушилась на декрет, доказывая его «незаконность», «утопичность» намерений большевиков построить новый суд на началах решающего участия широких масс трудящихся в осуществлении правосудия. В тех местных Советах, где эсеры и меньшевики сохраняли еще депутатские места, они всемерно пытались сорвать деятельность Советов по введению нового революционного суда. Так, на заседании Новгородского губернского исполнительного комитета 16 декабря 1917 г., где обсуждался проект положения о революционных судах, фракция меньшевиков заявила: «Признавая необходимость реорганизации окружного суда, мирового съезда и других судебных учреждений, считаем, что эта реформа должна быть произведена Учредительным собранием в общегосударственном размере. Полагаем, что образование революционного суда явится примером не правосудия, а бессудия, и потому фракция социал-демократов (объединенных) в создании и в ра-

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 27, л. 43.

³² Материалы НКЮ. Вып. V. М., 1918, стр. 23.

³³ Д. И. Курский. Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству. — Советская юстиция, 1932, № 33, стр. 29.

боте этих судов участия принимать не будет».³⁴ Однако усилия новгородских меньшевиков сорвать введение в губернии революционных судов оказались тщетными. Против утверждения положения о революционных судах голосовало всего лишь 6 членов губисполкома, в то время как подавляющее большинство голосовало за утверждение положения.

Таким образом, в борьбе против осуществления первого декрета о суде объединились все силы, стоящие за реставрацию прежних капиталистических порядков. Советской власти, создававшей новый пролетарский суд, противостоял фронт врагов, начиная от контрреволюционной буржуазии и кончая мелкобуржуазными партиями. Но Советская власть сумела сломить все преграды на пути к утверждению нового суда.

Несмотря на сложные и трудные условия, в которых проходили слом старого и строительство нового аппарата государственной власти в центре и на местах, Советская страна менее чем за полгода покрылась довольно густой сетью местных судов и революционных трибуналов, заменивших собой подвергнутую слому старую судебную систему. В отчете отдела судостроительства Народного комиссариата юстиции (подписан 25 июня 1918 г.) констатировалось: «К марту 1918 г. декрет № 1 проводился уже на местах в жизнь в общегосударственном масштабе. На первом месте здесь шли, конечно, крупные центры — Петроград, Москва, Западная Сибирь. В Петрограде и в Москве местные суды по декрету № 1 организованы в полном объеме».³⁵ Одновременно Советской власти удалось обеспечить судебный аппарат необходимыми кадрами преимущественно из среды рабочих и крестьян. В том же отчете отдела судостроительства НКЮ по этому поводу говорилось: «Места строили новый пролетарский суд, отводя решающий голос в нем народным заседателям, избираемым на тот или другой краткий срок. Участию же технического элемента, например, прежним судьям на Урале или в Западной Сибири, отводилась подчиненная роль сведущих людей, причем неизменно круг заседателей ограничивался советскими избирателями».³⁶

После заключения Брестского мира в центре внимания Коммунистической партии и Советского государства находились задачи организации управления — учет и контроль производства и распределения, укрепление трудовой и государственной дисциплины, борьба с мелкобуржуазной анархией во всех ее проявлениях.

Государственное управление включает в качестве своей составной части судебную деятельность. «... Судебная деятельность

³⁴ Известия Новгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1917, 30 декабря.

³⁵ Пролетарская революция и право, 1918, № 1, стр. 39.

³⁶ Там же.

есть одна из функций государственного управления»,³⁷ — указывал В. И. Ленин. Поэтому когда главной задачей Советской власти стала организация управления, то одновременно перед Советским государством возникла проблема организации судебного управления, организационного укрепления суда. В период ноября 1917—февраля 1918 гг. была проделана значительная работа в этой области, но то, что было сделано, далеко не удовлетворяло требованиям новой обстановки. В новых условиях на организацию судебного управления, на организационное укрепление суда необходимо было обратить особо серьезное внимание, ибо на данном этапе развития роль суда неизмеримо возросла. Если в период «краспогвардейской атаки на капитал» подавление свергнутого класса осуществлялось главным образом военным путем, т. е. путем прямого вооруженного подавления контрреволюционных выступлений буржуазии, то, после того как открытое сопротивление буржуазии было в основном сломлено, на первое место выдвинулся суд. «По мере того как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, — типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд», — писал В. И. Ленин.³⁸

А между тем новый суд имел существенные недостатки, без устранения которых нельзя было успешно разрешать новые задачи. «Но наши революционные и народные суды, — указывал В. И. Ленин, — непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как на нечто казенно-чуждое».³⁹

В соответствии с ленинскими установками Советам предстояло проделать большую работу по укреплению суда, по превращению его в орган, максимально способствующий социалистическому строительству. Вместе с тем перед Советской властью встала задача усиления путем использования суда борьбы с мелкобуржуазной анархией, в чем бы она ни проявлялась. Суд должен был построить свою деятельность в направлении самой суровой борьбы со спекулянтами, лодырями, прогульщиками, расхитителями народного добра, хулиганами, лицами, допускающими злоупотребления на службе, и другими категориями преступников.

Как же преломились эти задачи в правотворчестве Советов? В какие новые формы вылилось оно в связи с постановкой новых задач? Нужно отметить, что такая форма правотворчества, как создание непосредственно местными Советами самостоятель-

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 197.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

ных судебно-следственных органов и нормативных актов, определявших материально-правовые и процессуальные основы их деятельности, в новых условиях изжила себя. В период с февраля по июль 1918 г. был издан ряд законодательных актов по судебному строительству: декрет о суде № 2,⁴⁰ декрет о революционных трибуналах,⁴¹ инструкция Народного комиссариата юстиции «Об организации и действии местных народных судов»⁴² и некоторые другие, в которых содержались более или менее полные данные относительно судеустройства, материально-правовых и процессуальных основ деятельности судебных и следственных органов. Поэтому надобность в создании каких-либо общих нормативных актов по этим вопросам непосредственно местными Советами и другими местными организациями отпала.

Однако осталась и успешно развивалась другая форма народного правотворчества — создание нового революционного права в процессе судебной деятельности, иными словами, деятельность широкого круга советских судей из среды рабочих и крестьян, руководствовавшихся при разрешении судебных дел революционной совестью и революционным правосознанием, поскольку те или иные правовые вопросы не были разрешены в советском законодательстве. Как раз по этой линии и проходило подчинение народного правотворчества задачам борьбы с расхитителями народного добра, взяточниками, хулиганами и другими преступными элементами. Изучение правотворчества в этом плане — тема специального исследования.

Что же касается организационного укрепления суда, построения суда на основах действительного участия широких масс трудящихся в осуществлении правосудия, то выполнение этой задачи легло в основном на местные Советы, действовавшие преимущественно через свои отделы (комиссариаты) юстиции. Работа отделов юстиции по организационному укреплению суда проходила главным образом в плане наблюдения за правильным проведением в жизнь декретов о суде на местах. Дело в том, что нередко на почве неправильного понимания (а кое-где и умышленного искажения) декретов в судебном строительстве имелись существенные недостатки, без устранения которых невозможно было эффективно использовать суды и следственные органы для выполнения задач Советской власти на повом этапе развития. К недостаткам такого рода прежде всего относилось учреждение судов в количестве, намного превышающем действительную в них потребность. Если, согласно законодательству, местные суды должны были создаваться в количестве, не превышающем

⁴⁰ Декреты Советской власти, т. I, стр. 466—474.

⁴¹ Там же. Т. II, М., 1959, стр. 233—234.

⁴² СУ РСФСР, 1918, № 53, стр. 597.

число прежних мировых судов, то на практике это получилось иначе: суды учреждались не только в волостях, но даже в отдельных деревнях.

Так, состоявшийся 8 января 1918 г. съезд Советов Себежского уезда Витебской губернии, обсудив декрет № 1 о суде, постановил: «Предписать всем волостным Советам организовать в каждой волости местный гражданский суд».⁴³

Съезд Советов Кузнецкого уезда Томской губернии 21 марта 1918 г. утвердил положение о волостных народных судах, согласно которому в каждой волости учреждался суд, состоявший из 9 членов и 9 кандидатов к ним, избираемых общими собраниями граждан прямым голосованием.⁴⁴

Подобным же образом были организованы волостные суды в Шенкурском уезде Архангельской губернии. В «Известиях Архангельского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» была опубликована «Инструкция устройства суда на местах в Шенкурском уезде»,⁴⁵ согласно которой сельские сходы волостей избирали народных заседателей по два на каждое общество; списки избранных препровождались в отдел народного трибунала волостного Совета, последний «назначает сколько потребуется лиц для разбора судебных дел в уездном городе, а остальных по очереди назначает для разбора судебных дел волости, по шести человек на каждое судебное заседание».

Волостные суды были созданы повсеместно в Тверской губернии. Из протоколов состоявшегося 25 февраля 1918 г. губернского съезда уездных комиссаров юстиции видно, что в Старицком и Бежецком уездах в каждой волости действовали самостоятельные суды.⁴⁶ Так же было и в других губерниях (Олонецкой, Вологодской, Петроградской, Воронежской и т. д.).

Само собой разумеется, что существование излишнего количества судов серьезным образом затрудняло централизацию судебной деятельности и управления. Организационные формы и характер деятельности судов, учрежденных на местах вопреки законодательству, зачастую не соответствовали требованиям правовой политики Советской власти, провозглашенной в декретах о суде. В первую очередь это относилось к судам в волостях. Будучи крайне разнохарактерными как в организационном отношении, так и в отношении принципов деятельности, волостные суды не могли обеспечить проведения единообразной государственной политики при разрешении уголовных и гражданских дел.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 58, л. 5.

⁴⁴ Там же, д. 438, л. 37.

⁴⁵ Известия Архангельского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918, 12 мая.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 415, л. 7.

В ущерб интересам пролетарского централизма эти суды стали фактически автономными единицами, выпадавшими из общей судебной системы Советского государства. Они по существу не контролировались и не управлялись вышестоящими органами власти, не имели кассационных инстанций, нередко руководствовались инструкциями, которые существенно расходились с декретами о суде. В ряде мест Советы присваивали себе несвойственные им судебные функции, что также неблагоприятно отражалось на осуществлении правосудия.

Большие недостатки имелись также в практике организации и деятельности революционных трибуналов. Подобно местным судам, революционные трибуналы создавались в количестве, превышающем действительную в них потребность. Помимо губернских городов и других крупных центров, трибуналы учреждались в уездных городах, а порой и в волостях. Деятельность трибуналов часто не соответствовала целям, поставленным перед ними декретом № 1 о суде. Если декрет относил к ведению трибуналов разрешение дел, связанных с контрреволюционными выступлениями буржуазии, саботажем и спекуляцией, то на практике трибуналы рассматривали все категории уголовных дел, а иногда и гражданские дела. В «Краткой записке о судах революционного времени в Тимском уезде Курской губернии» указывалось: «В практике Тимского уездного трибунала проходили и дела уголовные, и гражданские тяжёлые процессы».⁴⁷ Из списков дел, назначенных к слушанию в Архангельском ревтрибунале, видно, что трибунал разрешал уголовные дела по обвинению в воровстве, присвоении казенных денег, оскорблении, подлогах, присвоении имущества, а также гражданские дела.⁴⁸ Практика революционных трибуналов других городов мало чем отличалась от практики Архангельского и Тимского революционных трибуналов.

Эти недочеты устранялись отделами юстиции местных Советов. Состоявшийся 14 мая 1918 г. II съезд комиссаров юстиции Тверской губернии постановил: «Признавая недопустимым дальнейшее существование волостных судов, немедленно приступить к упразднению на местах волостных судов, признавая необходимым организацию местных народных (районных) судов на совершенно одинаковых началах для всей губернии».⁴⁹

Казанский губисполком (именовавший себя Советом народных комиссаров Казанской губернии), заслушав 2 мая 1918 г. доклад губернского комиссара юстиции, постановил: «Совнарком признает, что главной и основной задачей Комиссариата юсти-

⁴⁷ Материалы НКЮ, вып. V, стр. 17.

⁴⁸ Известия Архангельского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918, 25 мая.

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 415, л. 14.

ции является возможно скорейшее открытие повсеместно судов, построенных на основах, возведенных декретами Совнаркома Российской Республики. Совнарком Казанской Республики предлагает комиссару юстиции обратить внимание на оказание помощи беднейшему населению и установить непосредственное наблюдение за судебными установлениями, принимая все меры к устранению тех многочисленных дефектов, какие замечаются в работе новых учреждений».⁵⁰ Аналогичные решения были приняты и другими местными Советами.

Большая работа была проделана Советами и комиссариатами юстиции в части сокращения числа революционных трибуналов, а также организации их работы в строгом соответствии с требованиями декретов о суде. Состоявшийся 26 февраля 1918 г. съезд комиссаров юстиции Московской области в принятом наказе предусмотрел упразднение уездных революционных трибуналов.⁵¹ Такое же решение было принято 10 марта 1918 г. на съезде уездных комиссаров юстиции Тверской губернии.⁵²

Суммируя местную практику по перестройке революционных трибуналов, I Всероссийский съезд губернских и областных комиссаров юстиции принял развернутое постановление о революционных трибуналах. В нем предусматривались сохранение ревтрибуналов только в губернских городах и крупных центрах, изъятие из подсудности трибуналов общеуголовных дел, отмена деления трибуналов на трибуналы по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и трибуналы по делам печати.⁵³ Решения, принятые съездом, легли в основу декрета о революционных трибуналах.

После издания декрета о революционных трибуналах отделы юстиции еще шире развернули работу по сокращению излишнего числа трибуналов, принимая меры к перестройке их работы применительно к требованиям декрета. Комиссар юстиции Иваново-Вознесенской губернии доложил губернскому съезду Советов, что к сентябрю 1918 г. «во исполнение декрета Совнаркома число революционных трибуналов доведено до одного».⁵⁴

В отчете заведующего отделом юстиции Орловского губисполкома сообщалось: «В мае месяце с. г. организованы, согласно декрету о суде № 1, почти во всех уездах губернии революционные трибуналы и следственные при них комиссии. Из них в настоящее время функционируют Орловский, Брянский и Елецкий, все же остальные в разное время закрыты».⁵⁵

⁵⁰ Там же, д. 155, л. 146.

⁵¹ Протоколы I и II съездов комиссаров юстиции Московской области. М., 1918, стр. 11.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 415, л. 8.

⁵³ Материалы НКЮ. Вып. 1. М., 1918, стр. 13.

⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 153, л. 41.

⁵⁵ Там же, д. 255, л. 249.

Комиссар юстиции Курской губернии в своем докладе II Всероссийскому съезду областных и губернских комиссаров юстиции указывал: «К данному времени, согласно декрета центральной власти, упразднены все уездные революционные трибуналы и следственные комиссии при них».⁵⁶

В результате упорной и настойчивой работы как отделов юстиции местных Советов, так и непосредственно самих Советов, благодаря активной поддержке судебно-организационных мероприятий Советской власти со стороны широкого круга местных работников юстиции к концу первого полугодия 1918 г. ошибки и просчеты в организации и деятельности советского суда удалось в основном устранить. Это сыграло положительную роль в последующий исторический период — в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда перед советским судом встали серьезнейшие и труднейшие задачи, связанные с крайним обострением классовой борьбы в стране.

Опыт судебного строительства в РСФСР был творчески использован при создании советского суда в братских советских республиках.

⁵⁶ Там же, оп. 2, д. 27, л. 36.